Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 8 (514). С. 83–91.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(8(514):83-91.

Научная статья

УДК 101.1

doi: 10.47475/1994-2796-2026-514-8-83-91

ЦЕННОСТНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ ПРАВОСУДИЯ

Марина Сергеевна Теплых

Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова, Магнитогорск, Россия, msteplih@mail.ru, 0000-0002-2355-9486

Аннотация. В статье выявлены и рассмотрены различные подходы к проблеме справедливости правосудия: процессуальный, негативно-правовой и позитивно-правовой. Подвергнуты критическому анализу методологические представления (постулаты) позитивно-правового подхода к этой проблеме: постулат однопорядковости требований законности, обоснованности и справедливости; постулат перманентности справедливости правосудия; постулат нормативно-правового значения справедливости правосудия. На основе проведенного критического анализа сформулированы новые методологические представления (постулаты): постулат о разнопорядковости требований законности, обоснованности и справедливости; постулат о ситуативности справедливости правосудия; постулат о ценностно-мировоззренческом значении справедливости правосудия. Сформулированные методологические постулаты предложено положить в основу нового ценностно-мировоззренческого подхода к проблеме справедливости правосудия, применение которого позволяет раскрыть нравственную сущность феномена справедливого правосудия.

Ключевые слова: справедливость, правосудие, правосудное решение, справедливость судебного разбирательства, справедливость судебного решения, ценности, мировоззрение, нравственность

Для цитирования: Теплых М. С. Ценностно-мировоззренческий подход к проблеме справедливости правосудия // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 8 (514). С. 83–91. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-514-8-83-91.

Original article

VALUE-WORLDVIEW APPROACH TO THE PROBLEM OF JUSTICE

Marina S. Teplykh

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia, msteplih@mail.ru, 0000-0002-2355-9486

Abstract. The article identifies and examines various approaches to the problem of judicial fairness: procedural, negative-legal and positive-legal. The methodological concepts (postulates) of the positive-legal approach to this problem are subjected to critical analysis: the postulate of the same order of the requirements of legality, validity and justice; the postulate of the permanence of judicial fairness; the postulate of the normative-legal significance of judicial fairness. Based on the conducted critical analysis, new methodological concepts (postulates) were formulated: the postulate of the different orders of requirements of legality, validity and justice; the postulate of the situational nature of the fairness of justice; the postulate of the value-ideological significance of the fairness of justice. It is proposed to use the formulated methodological postulates as the basis for a new value-ideological approach to the problem of judicial fairness, the application of which allows us to reveal the moral essence of the phenomenon of fair justice.

Keywords: fairness, justice, judicial decision, fairness of trial, fairness of judicial decision, values, worldview, morality

For citation: Teplykh MS. Value-Worldview Approach to the Problem of Justice. *Bulletin of the Chelyabinsk State University.* 2026;(8(514):83-91. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-514-8-83-91.

Введение. Основным постулатом построения демократического общества является представление о независимости трех ветвей власти — законодательной, исполнительной и судебной. В этой властной триаде независимость судебной власти имеет наибольший вес в связи с тем, что именно

© Теплых М. С., 2026

в судебной практике происходит правоприменительное разрешение споров, возникающих в обществе между его субъектами — гражданами, организациями и органами власти.

Правосудие как разрешение судом возникающих правовых конфликтов неразрывно связано с представлениями о справедливости, поскольку правосудие относится к той сфере социальных отношений, от которой прежде всего ожидается воплощение этой справедливости. Субъекты социальных отношений ожидают от суда такого осуществления правосудия, которое будет не только законным и обоснованным, но и справедливым. Для широкой общественности, не искушенной в юридических тонкостях и формальностях судопроизводства, справедливость правосудия выступает более близкой и понятной оценочной категорией, нежели его законность и обоснованность. Неслучайно здания российских судов зачастую носят название «дворцов правосудия» и украшаются изображениями древнегреческой богини правосудия Фемиды, символизирующей непредвзятость (повязка на глазах), беспристрастность (весы) и справедливость (меч).

В этом контексте знаменитое изречение Иммануила Канта о том, что «ничто не возмущает нас больше, чем несправедливость, ибо все другое зло, которое приходится нам терпеть, ничто по сравнению с ней» [14, с. 153] применительно к несправедливости правосудия обретает громогласное звучание, поскольку помножается на то, что такая несправедливость допущена органом судебной власти как вершителем правосудия.

Проблема справедливости правосудия

В научной литературе понятия «правосудие» и «справедливость» зачастую отождествляются и употребляются как синонимы [21; 23; 32], что, на наш взгляд, не совсем верно, поскольку в данном случае не учитывается, что правосудие есть прежде всего осуществляемая судом (судьями) процессуальная деятельность по рассмотрению и разрешению споров (судебных дел), что разрушает предполагаемое тождество «правосудие = справедливость», поскольку саму деятельность нельзя рассматривать как справедливость [10, с. 193].

Если же рассматривать правосудие как осуществляемую деятельность, то справедливость является качественной характеристикой этой деятельности, которая может быть ей присуща (справедливое правосудие), а может быть и не присуща (несправедливое правосудие). Здесь справедливость выступает как внутреннее свойство правосудия, как желаемо-должное состояние самой деятельности по осуществлению правосудия, указывающее на социально-ценностную значимость самого правосудия [24, с. 539].

Рассматривая правосудие прежде всего как судебную деятельность, следует указать, что любая деятельность имеет свое начало, осуществление и конец, что применительно к правосудию означает его понимание в двух значениях: правосудие как процесс судебного разбирательства (рассмотрение дела) и правосудие как принятие итогового судебного акта (разрешение дела по существу). Соответственно этому, справедливость правосудия также понимается в двух значениях: справедливость судебного разбирательства (процессуальная справедливость правосудия) и справедливость судебного решения (материальная справедливость правосудия).

Что касается ***справедливости судебного разбирательства***, отметим, что оно не вызывает среди ученых-правоведов каких-либо существенных дискуссий и «разногласий, поскольку право каждого на справедливое судебное разбирательство закреплено в Конвенции о защите прав человека и основных свобод» [29]. Здесь некоторые разногласия среди ученых имеются только по вопросу об «узкой» или «широкой» трактовке требования о справедливости судебного разбирательства: можно ли справедливость судебного разбирательства свести к формальному соблюдению всех предусмотренных процессуальным законом правил и процедур (узкая трактовка «процедурной справедливости») или же в это требование следует также включать соблюдение гарантирующих принципов судебного спора: о равенстве и состязательности сторон; об объективности, независимости и беспристрастности суда; о доступе к правосудию; о гласности и открытости судебных заседаний; об осуществлении правосудия в разумный срок; о недопустимости злоупотребления процессуальными правами и неисполнения процессуальных обязанностей (широкая трактовка «процессуальной справедливости») [5; 6; 16; 22; 29].

При этом очевидно, что вопросы о «справедливости судебного разбирательства касаются только процессуальных аспектов деятельности по осуществлению правосудия (самого процесса), а не его содержательного результата (итогового судебного решения), что подтверждается правоприменительной практикой Европейского Суда по правам человека» [6, с. 133–134].

В отличие от вопроса о ***справедливости судебного разбирательства***, вопрос о справедливости судебного решения имеет в научной литературе проблемно-дискуссионный характер, что обусловлено прежде всего неортодоксальным характером требования справедливости.

А. Г. Горлова в работе «Профессиональная культура юриста: понятие и реализация в судебной деятельности» пишет: «Дело в том, что ортодоксальными требованиями к судебному решению», которые, будучи закреплены в процессуальном законодательстве, выступают критериями его правосудности, являются два требования — это законность и обоснованность. Толкование правового содержания этих требований дано в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ: правосудным признается такое судебное решение, которое принято в соответствии с нормами материального и процессуального права «(критерий законности), а также содержит выводы суда, вытекающие из установленных обстоятельств, подтвержденных доказательствами по делу (критерий обоснованности)» [27].

«В то же время в процессуальном законодательстве четко и однозначно не закреплено требование о справедливости судебного решения, что и приводит к возникновению проблемы: судебное решение должно быть законным и обоснованным (в этом никто не сомневается), но должно ли оно быть также и справедливым?» [1].

Подходы к проблеме справедливости судебного решения

В научной литературе сложилось несколько методологических подходов к решению проблемы справедливости судебного решения, которые условно можно обозначить как «процессуальный», «негативно-правовой» и «позитивно-правовой».

В рамках ***процессуального подхода*** утверждается, что справедливость судебного решения возникает как продукт, порожденный справедливостью предшествовавшего ему судебного разбирательства. В основе этого подхода лежат представления о том, что строгое соблюдение формы и правил судопроизводства (процессуальная справедливость) с необходимостью приводит к справедливости судебного решения, т. е. справедливость итогового решения по делу детерминируется тем, насколько была справедлива предшествующая ему процедура рассмотрения этого дела, путь к этому решению [19, с. 37; 20, с. 157].

Конечно, идеальная судебная система должна стремиться к тому, чтобы и разбирательство судебного дела было справедливым, и вынесенное итоговое решение по делу — справедливым. В то же время можно привести такие ситуации в судебной практике, которые обнаруживают, насколько этот идеал далек от реальности. Приведем такой пример: по уголовному делу судья выносит обвинительный приговор, основываясь на признательных показаниях обвиняемого (на самом деле оговорившего себя), которые тот дал на этапе предварительного следствия при пассивности назначенного ему адвоката и под воздействием следователя (если признать вину, то суд назначит условный срок). Очевидно, что такой приговор несправедлив, поскольку осужден невиновный, а виновный избежал наказания. В то же время в ходе судебного разбирательства судья строго соблюдал все необходимые процедуры и правила судопроизводства и не нарушил прав подсудимого на справедливое судебное разбирательство.

«Кроме того, процессуальный подход к проблеме справедливости судебного решения нельзя признать верным в методологическом плане, поскольку в его рамках происходит смешение двух разных видов справедливости правосудия — справедливости судебного разбирательства (процессуальной справедливости) и справедливости судебного решения» [29] (материальной справедливости), где первая выступает как порождающая причина второй. В данном случае форме судебного процесса придается детерминирующее значение по отношению к его содержанию, а соблюдение самой процессуальной формы выступает как самоцель и критерий справедливости. Вместе с тем процессуальная справедливость правосудия не может легитимизировать саму себя, поскольку при осуществлении правосудия определяющее значение имеет все же материальная справедливость (результат), которая и выступает мерой того, что сам процесс был правильным и справедливым, но не наоборот [28, с. 149]. Правосудие нельзя редуцировать до «безрезультатного» соблюдения формальных правил судопроизводства, поскольку смысловое содержание осуществления правосудия заключается в принятии судебных актов, разрешающих дело по существу [25].

В рамках ***негативно-правового подхода*** отрицается необходимость выделения справедливости как самостоятельного требования к судебному решению и утверждается достаточность ортодоксальных критериев законности и обоснованности для определения правосудности судебного акта. В основе этого подхода лежит постулат о том, что «законное и обоснованное решение суда есть также и справедливое решение», который соответствует методологической презумпции «бритвы Оккама», гласящей, что «не следует привлекать новые сущности без крайней на то необходимости». Этот подход можно также назвать ортодоксальным (классическим), поскольку он преимущественно представлен в учебниках по процессуальному праву, авторы которых полагают возможным и достаточным лишь уточнить (дополнить, истолковать) критерии законности

и обоснованности правосудного судебного решения такими его признаками, как юридическая грамотность, понятное изложение, соответствие процессуальной форме, полнота, мотивированность, убедительность, определенность, безусловность, категоричность [7; 8; 9; 21]. В этом контексте справедливость судебного решения представляется как конституционная декларация, социально-оценочная категория, воплощенная в целевых установках правосудия, направленного на соблюдение требований законности и обоснованности судебных актов [12; 18].

В то же время негативно-правовой подход нельзя признать вполне методологически верным, поскольку он не столько решает проблему справедливости судебного решения, сколько исключает эту проблему из научного дискурса как малозначимую, что приводит к ситуации, когда «с водой выплескивают и ребенка».

В рамках ***позитивно-правового подхода*** утверждается, что решение суда должно быть не только законным и обоснованным, но также непременно и справедливым. Такое понимание основывается на представлениях о «триедином» критерии правосудности судебного решения, согласно которому правосудное судебное решение есть «законное, обоснованное и справедливое решение по делу» [25]. Сторонники позитивно-правового подхода, указывая на пробельность процессуального законодательства в части отсутствия в нем четко сформулированного требования о справедливости судебного решения, предлагают нормативно закрепить это требование наряду с требованиями законности и обоснованности.

Позитивно-правовой подход следует признать верным в том смысле, что он направлен на решение проблемы справедливости как отдельного критерия правосудности судебного решения, отличного от критериев его законности и обоснованности. Вместе с тем следует признать, что варианты реализации этого подхода в юридических исследованиях, а именно попытки сформулировать требование справедливости судебного решения и раскрыть его нормативно-правовое содержание, оставляют желать лучшего.

Так, одни авторы, соглашаясь с необходимостью признания справедливости обязательным требованием к судебному решению, не раскрывают его содержания, выводя справедливость судебного акта из его законности и обоснованности в качестве некоего «целевого эффекта». Т. В. Сахнова, указывая на то, что решение суда непременно должно быть «актом справедливости», полагает, что требования законности и обоснованности судебного решения являются неотъемлемыми предпосылками для вынесения справедливого судебного акта, обеспечивая достижение эффективного и справедливого восстановления защищаемых прав и свобод [30, с. 492, 496]. Ф. А. Акопян предлагает разработанный им «алгоритм» принятия справедливого судебного решения и делает вывод, что законность, обоснованность и справедливость совпадают, поскольку вынесением решения «по букве» закона суд достигает целей процесса [1, с. 84]. В то же время очевидно, что подобные «дефиниции» справедливости не раскрывают его правового содержания, отличного от требований законности и обоснованности, что превращает в декларативный тезис позитивно-правового подхода о признании справедливости отдельным требованием и возвращает нас к постулату негативно-правового подхода о достаточности классических требований законности и обоснованности для признания судебного решения правосудным.

Другие авторы пытаются дать ответ на вопрос, в чем же заключается специфическое правовое содержание требования справедливости судебного решения в отличие от однородных требований его законности и обоснованности. Однако такие попытки определения видового отличия (differentia specifica) нельзя признать состоявшимися, поскольку они порождают больше вопросов, нежели ответов. Так, А. Т. Боннер полагает, что справедливое судебное решение есть «единственно возможное, оптимальное, разумное и гуманное решение» [2, с. 227] (здесь сразу же возникают вопросы: если «единственно возможное» означает «законное», тогда при чем здесь «справедливое»? какое решение является «оптимальным»? может ли решение быть «неразумным»? в чем состоит «гуманность» решения?). В. И. Власов и Е. С. Вальдер, рассматривая ситуации правовых коллизий, когда у судьи имеется несколько вариантов принятия законного решения, приходят к выводу, что в таких ситуациях судья должен сделать выбор в пользу того варианта, который «со стороны общества является наиболее справедливым» [4, с. 36] (здесь возникают вопросы: как судья узнает, какой вариант решения общество сочтет «наиболее справедливым»? судье нужно провести соцопрос?). А. Н. Рундквист, анализируя соотношение законности и справедливости при вынесении судебного решения в ситуациях необходимости согласования различных интересов (частных, публичных, общественных и государственных), приходит к выводу, что справедливость судебного решения заключается в «обеспечении правового баланса интересов субъектов правоотношений»,

в связи с чем предлагает внести в тексты процессуальных отраслевых кодексов дефиницию о том, что критерием признания судебного решения справедливым является «соразмерное и пропорциональное распределение в нем прав и обязанностей лиц, участвующих в деле» [29, с. 19–21] (здесь возникают вопросы: в каждом ли деле судья должен обеспечивать «баланс различных интересов»? «соразмерное и пропорциональное распределение» — это как? и нашим и вашим? пополам или по долям?).

Таким образом, следует признать несостоятельными попытки в рамках позитивно-правового подхода раскрыть содержание справедливости судебного решения через его выведение из законности и обоснованности или же через его подмену другими понятиями (оптимальность, разумность, гуманизм, общественное мнение, правовой баланс интересов и т. п.).

В то же время, как указано выше, следует признать верной общую направленность позитивно-правового подхода на выделение справедливости как отдельного требования, предъявляемого к правосудному решению. С учетом изложенного, вполне логично предположить, что причины неудачных попыток понимания справедливости в рамках позитивно-правового подхода следует искать не в ошибочности тех или иных авторских представлений, а в ошибочности тех методологических представлений (или постулатов), которые лежат в основании этого подхода и которые следует выявить и подвергнуть критическому анализу с тем, чтобы обнаружить их ошибочность и, в конечном счете, преодолеть ее.

Критика постулатов позитивно-правового подхода

Представляется, что в основании позитивно-правового подхода к проблеме справедливости судебного решения лежат следующие взаимосвязанные между собой методологические представления (постулаты):

1. Постулат однопорядковости требований законности, обоснованности и справедливости: решение суда всегда должно быть как законным и обоснованным, так и справедливым.

2. Постулат перманентности справедливости правосудия: всякое решение суда должно быть справедливым.

3. Постулат нормативно-правового значения справедливости правосудия: справедливость судебного решения имеет нормативно-правовое содержание.

Обратимся к критическому анализу указанных постулатов, руководствуясь вопросом о том, способствуют ли они верному пониманию и раскрытию феномена справедливости судебного решения.

Критика постулата однопорядковости. В основе позитивно-правового подхода лежат представления о том, что законность, обоснованность и справедливость — предъявляемые к судебному решению однопорядковые требования (однородные понятия, однопорядковые величины), соблюдение которых позволяет признать судебный акт правосудным.

Вместе с тем такие представления следует признать ошибочными, поскольку они приводят к тому, что правосудность судебного решения мыслится как «суммарная величина» этих требований по формуле: законность + обоснованность + справедливость = правосудность. В то же время такое «правило суммарности» действует только в отношении двух слагаемых (законность + обоснованность), но не действует в отношении третьего слагаемого (справедливости), поскольку вышестоящий суд может признать решение суда первой инстанции неправосудным и отменить его из-за отсутствия одного из критериев правосудности (по мотивам его незаконности и/или необоснованности), но не может отменить законное и обоснованное решение на основании того, что оно несправедливо.

Поэтому следует признать, что такие критерии правосудности судебного акта, как законность и обоснованность, — это однопорядковые величины, тогда как справедливость — это величина иного порядка, которая, будучи присущей правосудному судебному решению, все же не является его обязательным свойством или атрибутом. Эту мысль можно сформулировать в виде методологического антипостулата о том, что решение суда всегда должно быть законным и обоснованным, но оно не всегда должно быть справедливым, т. е. правосудное решение — это всегда законное и обоснованное, но не всегда справедливое решение по делу. Такие методологические представления позволяют нам мыслить правосудное судебное решение не как «суммарную величину», а как «дробную величину» по формуле: правосудность = (законность + обоснованность) / справедливость. По этой формуле отсутствие справедливости (в знаменателе) не позволяет признать решение суда неправосудным, если оно законно и обосновано (в числителе), поскольку «на нуль делить нельзя», тогда как наличие справедливости приводит к признанию решения целостно-завершенным актом правосудия (т. е. «единицей»).

Критика постулата перманентности. В основе позитивно-правового подхода к проблеме справедливости судебного решения лежат

представления о том, что «справедливость является перманентным (постоянным) требованием, которое должно предъявляться ко всякому судебному акту.

Такие представления также следует признать ошибочными, поскольку в них не учитывается, что суд выносит решение по конкретному делу (судебному спору)» [1], при том что такие дела существенно различаются не только в материальном плане (по характеру спорных правоотношений и обстоятельствам, подлежащим установлению судом), но и в процессуальном плане: как по сложности их рассмотрения (состав участников дела, их доводы и возражения, представленные доказательства и т. п.), так и в интересующем нас контексте — по сложности принятия итогового решения по делу.

Представляется, что по критерию сложности принятия итогового решения по делу все судебные споры можно разделить на «простые» и «сложные». К категории «простых дел» будут относиться те судебные споры, для разрешения которых суду вполне достаточно руководствоваться классическими требованиями о законности и обоснованности правосудного судебного акта (к примеру, когда материалы дела содержат достаточно доказательств для его разрешения и имеется сложившаяся судебная практика разрешения таких дел). К категории «сложных дел» будут относится такие судебные споры, для правосудного разрешения которых суду недостаточно руководствоваться лишь классическими требованиями законности и обоснованности (к примеру, когда в материалы дела представлено недостаточно доказательств и/или отсутствует сложившаяся судебная практика разрешения данной категории дел).

При таком разделении судебных дел на «простые» и «сложные» становится очевидным, что необходимость предъявления требования справедливости к судебному решению (как отдельного критерия его правосудности) возникает в силу недостаточности критериев законности и обоснованности для признания такого решения правосудным.

Поэтому следует признать не вполне верными представления о том, что справедливость является перманентным требованием для всякого правосудного решения по делу, и сформулировать более верные представления о том, что *не всякое* решение суда должно быть справедливым, поскольку таковым (справедливым) может быть только решение суда по «сложному делу».

Зададимся вопросом: в чем же заключается «сложность» судебного дела, которая обусловливает необходимость применения критерия справедливости для его правосудного разрешения?

Представляется, что таковая «сложность» состоит в том, что при удалении суда в совещательную комнату для принятия итогового решения по делу судья обнаруживает, что у него имеется несколько альтернативных вариантов разрешения спора по существу, т. е. возникает *ситуация судебной коллизии при разрешении дела* — такая ситуация, когда судья может разрешить дело по собственному усмотрению, сделав выбор между альтернативными вариантами разрешения дела.

Полагаем, что именно в такой ситуации судебной коллизии, когда судья *вправе выбрать по собственному усмотрению* один из возможных вариантов разрешения спора, и возникает сам феномен справедливости правосудия, что можно сформулировать в виде следующего тезиса: решение суда справедливо, когда у судьи есть право разрешить дело по собственному усмотрению, сделав выбор из нескольких альтернативных вариантов разрешения дела.

И здесь мы вплотную подходим к вопросу о ценностно-мировоззренческой природе справедливости правосудия, что может быть осуществлено в ходе дальнейшего критического анализа третьего по счету методологического постулата нормативно-правового подхода.

Критика нормативно-правового постулата. В основе нормативно-правового подхода к проблеме справедливости судебного решения лежат представления о том, что «справедливость как требование, предъявляемое к судебному акту, является правовой категорией, обладающей нормативно-правовым содержанием, в связи с чем требование справедливости судебного решения возможно» [1] и необходимо закрепить в процессуальном законодательстве в виде некоторой процессуальной нормы (процессуального правила), применение которой позволит дать оценку на «предмет наличия качества справедливости в том или ином судебном акте.

Такие методологические представления также следует признать ошибочными, поскольку в них не учитывается, что, в отличие от законности и обоснованности судебного решения, справедливость» [1] — это не юридическая (правовая) категория, а ценностно-нравственная (внеправовая) категория, на что правильно указывают некоторые авторы, говоря о том, что справедливость является нравственно-оценочной категорией [10; 24; 33].

В целом, юридические категории применяются для оценки поведения субъекта в отношении к общепринятым (установленным законом) правилам и нормам этого поведения, когда оценка поведения дается по шкале «правильно —

неправильно». Здесь субъект оценки (оценивающий субъект) не свободен в усмотрении, поскольку у него имеются предустановленные объективные критерии для оценки поведения: если субъект поведения действовал в соответствии с общепринятыми (установленными) правилами и нормами, то его поступок является «правильным» («правомерным», «законным», «верным»); если же он в своем поведении нарушил эти правила и нормы, то его поступок является «неправильным» («неправомерным», «незаконным», «неверным») и он должен понести ответственность («наказание»).

В отличие от юридических категорий, ценностно-нравственные категории применяются для оценки поведения субъекта в его отношениях с другими субъектами на предмет благодетельности этого поведения, когда оценка поведения дается по шкале «хорошо — плохо». И здесь та оценка поведения, которую дает оценивающий субъект, во многом носит субъективный, ценностно-мировоззренческий характер, поскольку у него не имеется каких-либо объективных (общепринятых, предустановленных) критериев для оценки того, является ли оцениваемый поступок «хорошим» («честным», «справедливым», «благородным») или «плохим» («бесчестным», «несправедливым», «неблагородным»).

Нравственный поступок — это всегда поступок, в основе которого лежит свободный выбор: человек сам выбирает, какой поступок ему совершить, «хороший» или «плохой», исходя из своих ценностно-мировоззренческих представлений о том, что такое «хорошо», а что такое «плохо».

В сфере осуществления правосудия у судьи, как правило, нет свободы выбора, поскольку суд должен принять только законное и обоснованное решение. В то же время, как указано выше, при осуществлении правосудия по «сложным» делам у судьи могут возникать ситуации судебной коллизии, в связи с чем возникает право выбора и принятия решения по собственному усмотрению. В этом контексте Н. В. Валуйсков и В. А. Демченко говорят о «справедливом правосудии» как о такой судебной деятельности, которая осуществляется судьей при разрешении дела по существу в соответствии с его совестью, моральными качествами и внутренним убеждением [3; 11].

Поэтому центральной фигурой, вокруг которой должны фокусироваться размышления о справедливости правосудия, выступает фигура самого судьи как человека, пусть и облеченного судебной властью, но все же человека, которому «ничто человеческое не чуждо». Именно этот человек, вступая в должность судьи, давал торжественную клятву о том, что он обязуется осуществлять правосудие «честно и добросовестно, подчиняясь только закону, быть беспристрастным и справедливым, как велят мне долг судьи и моя совесть» [13]. И в этой судейской клятве нас интересует торжественно данное обещание судьи «быть справедливым», из которого следует, что судья, давая эту клятву, предварительно (хотя бы в общих чертах) знает, что такое «справедливость» и как ему следует поступать «справедливо» в его профессии.

В отличие от законности и обоснованности судебного решения, содержание которых лежит в нормативно-правовом («горизонтальном») измерении, содержание справедливости судебного решения лежит в ином, ценностно-мировоззренческом («вертикальном») измерении деятельности судьи по осуществлению правосудия, в котором справедливость судебного решения обретает свое значение через такие ценностно-мировоззренческие понятия как свобода выбора, нравственный поступок, совесть.

В связи с этим представляется, что справедливость осуществляемого правосудия определяется прежде всего ценностно-мировоззренческими представлениями и нравственно-волевыми качествами самого судьи как «вершителя правосудия» в ситуациях судебной коллизии при принятии решения по делу: совершая нравственный поступок, делая свой нравственно оправданный выбор в пользу справедливого решения по делу, судья тем самым конституирует саму сущность справедливости правосудия [15; 31].

Выводы

Подводя итоги проведенного нами критического анализа методологических постулатов позитивно-правового подхода к проблеме справедливости судебного решения, сформулируем иные методологические представления (своеобразные «антипостулаты»), которые, на наш взгляд, позволяют более верно понять и раскрыть феномен справедливости правосудия:

1. Постулат о разнопорядковости требований законности, обоснованности и справедливости: решение суда всегда должно быть законным и обоснованным, но не всегда должно быть справедливым;

2. Постулат о ситуативности справедливости правосудия: не всякое решение суда должно быть справедливым.

3. Постулат о ценностно-мировоззренческом значении справедливости правосудия: справедливость судебного решения имеет ценностно-мировоззренческое содержание.

Представляется, что указанные «антипостулаты» лежат в основе иного подхода к проблеме

справедливости правосудия, который условно можно назвать «ценностно-мировоззренческим» подходом.

В рамках настоящего исследования мы не ставили задачу раскрыть ценностно-мировоззренческое содержание справедливости правосудия. Нашей задачей было показать возможность и необходимость иного подхода к проблеме справедливости правосудия, что мы и сделали. Раскрытие же конкретного содержания справедливости правосудия в рамках ценностно-мировоззренческого подхода, в том числе посредством анализа тех судебных ситуаций и поступков судьи, в которых и возникает справедливое правосудие, — это задачи наших будущих исследований по этой проблеме.

Список источников

1. Акопян Ф. А. Справедливость судебного решения в цивилистическом процессе // Российский юридический журнал. 2024. № 5. С. 78–87.

2. Боннер А. Т. Избранные труды: в 7 т. Т. 3: Принципы гражданского процессуального права. Применение нормативных актов в гражданском процессе. М. : Проспект, 2017. 461 с.

3. Валуйсков Н. В. О «дорожной карте» реформирования системы противодействия преступности в ювенальной сфере // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 11. С. 98–102.

4. Власов В. И., Вальдер Е. С. Справедливость как требование, предъявляемое к судебному решению // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. № 3. С. 32–36.

5. Воронов А. Ф. Принципы гражданского процесса: прошлое, настоящее, будущее. М. : Городец, 2009. С. 61–71.

6. Глазкова М. Е. Применение европейских стандартов отправления правосудия в российском арбитражном процессе: монография. М. : ИНФРА-М, 2012. 200 с.

7. Гражданский процесс : учеб. / под ред. М. К. Треушникова. М. : Городец, 2020. С. 489–492.

8. Гражданский процесс : учеб. для студентов высших юрид. учеб. заведений / отв. ред. В. В. Ярков. М. : Статут, 2017. С. 390–396.

9. Гражданское процессуальное право: учеб. : в 2 т. / под ред. П. В. Крашенинникова. М. : Статут, 2022. Т. 1. С. 358–359.

10. Дегтярев С. Л. Реализация судебной власти в гражданском судопроизводстве: теоретико-прикладные проблемы. М. : Волтерс Клувер, 2007. 364 с.

11. Демченко В. А. Противодействие коррупции в сфере здравоохранения // Научный обозреватель. 2015. № 11. С. 20–21.

12. Загайнова С. К. Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском процессе. М. : Волтерс Клувер, 2007. 400 с.

13. Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-I «О статусе судей в Российской Федерации» // Российская газета, 29 июля 1992 г.

14. Кант И. Избранные произведения. М. : Мысль, 1964. Т. 2. 312 с.

15. Карнаух М. П. Экзистенциальный кризис как основа самопознания // Вестник Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. 2005. № 2 (10). С. 55–57.

16. Кашников Б. Н. Либеральные теории справедливости и политическая практика России. Великий Новгород : НовГУ-НовМИОН, 2004. 260 с.

17. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) // Собрание законодательства РФ. 08.01.2001. № 2. Ст. 163.

18. Курбатов А. Я. Справедливость в гражданском праве: подмена понятий, субъективизм и неопределенность // Вопросы правоведения. 2012. № 3. С. 44–64.

19. Лукайдес Л. Справедливое судебное разбирательство. Комментарий к п. 1 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод // Российская юстиция. 2004. № 2. С. 36–40.

20. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. М. : Юрист, 2006. 174 с.

21. Мохов А. А., Воронцова И. В., Семенова С. Ю. Гражданский процесс (гражданское процессуальное право) России : учеб. / отв. ред. А. А. Мохов. М. : Контракт, 2017. С. 168–169.

22. Мутасова М. А. Проблема законодательного закрепления принципа справедливости // Социально-экономические явления и процессы. 2015. Т. 10. № 7. С. 172–182.

23. Памятники римского права. Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М. : Зерцало, 1997. 608 с.

24. Панкова О. В. Правосудие в современной России: понятие и признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 4. С. 527–546.

25. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1996 г. № 4-П // Российская газета от 15 февраля 1996 г. № 31.

26. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 января 2001 г. № 1-П // Российская газета от 13 февраля 2001 г. № 30.

27. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» // Российская газета от 26 декабря 2003 г. № 260.

28. Пресняков М. В. Стандарты справедливого правосудия: проблемы формы и содержания // Журнал российского права. 2016. № 2. С. 144–150.

29. Рундквист А. Н. Справедливость как обязательное требование к судебному решению // Юридические исследования. 2018. № 6. С. 14–23.

30. Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса. М.: Статут, 2014. 784 с.

31. Теплых М. С. Судебная справедливость как нравственное основание правосудия // Бытие человека: проблема единства во многообразии современного мира. Челябинск: ЧелГУ, 2025. С. 194–198.

32. Фокина М. А. Система целей доказывания в гражданском и арбитражном процессе. Общие положения // Арбитражный и гражданский процесс. 2006. № 4. С. 22–29.

33. Экимов А. И. Справедливость и социалистическое право. Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1980. 120 с.

Информация об авторе

М. С. Теплых — кандидат философских наук, доцент.

Information about the author

M. S. Teplykh — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 24.01.2026; одобрена после рецензирования 21.02.2026; принята к публикации 31.08.2026.

The article was submitted 24.01.2026; approved after reviewing 21.02.2026; accepted for publication 31.08.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.